

Н. Ворошилов

**Критический обзор учения о
разделении властей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н. Ворошилов**
Критический обзор учения о разделении властей / Н. Ворошилов – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 463 с.

ISBN 978-5-4241-7752-1

ISBN 978-5-4241-7752-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О РАЗДѢЛЕНІИ ВЛАСТЕЙ.

Постоянно усиливающаяся связь нашего отечества съ западными государствами и, вслѣдствіе этого, все болѣе и болѣе возрастающій интересъ къ идеямъ и формамъ, выработаннымъ ихъ исторіей и наукой, дѣлають чувствительнымъ недостатокъ въ нашей литературѣ теоретическихъ сочиненій, особенно по государственному праву. Настоящее сочиненіе посвящено существеннѣйшему и, вѣстѣ съ тѣмъ, спорному вопросу въ области теоріи государственнаго права. Въ немъ представлено, по возможности, полное литературное развитіе этого вопроса; но, къ сожалѣнію, нѣкоторыми сочиненіями, относящимися къ нему, авторъ не могъ воспользоваться. Кромѣ того, онъ считаетъ необходимымъ предупредить, во избѣжаніе нареканій въ неполнотѣ, что онъ касается здѣсь только тѣхъ сочиненій, которыя занимались избраннымъ имъ вопросомъ, а не имѣеть дѣла со всѣми направленіями политической литературы.—Въ порядкѣ изложенія онъ долженъ былъ, во избѣжаніе повтореній, отпрявляться отъ разбираемаго вопроса, а не слѣдовать только историческому развитію политическихъ ученій.

I.

Теорія раздѣленія властей почитается многими, въ настоящее время, уже оставленной въ наукѣ государственнаго права *); поэтому и самый разборъ ея можетъ казаться несвоевременнымъ. Но если это и справедливо, то на сторонѣ ея остается такое вліяніе на обработку ученія о государственной власти, что по этому уже одному она не можетъ быть забыта. Забвеніе не имѣетъ мѣста по отношенію къ ней, далѣе, и вслѣдствіе той услуги, которую она оказала вопросу о свободѣ гражданъ, поставивъ его въ самую тѣсную связь съ ученіемъ о государственной власти. Такое отношеніе ея къ двумъ наисущественнѣйшимъ, необходимѣйшимъ и стоящимъ другъ противъ друга элементамъ государства—власти и свободѣ—не дѣлаетъ несвоевременнымъ обзоръ тѣхъ измѣненій, которымъ она подвергалась. Кромѣ того, подобный обзоръ или, точнѣе, подведеніе итога разнообразнымъ мнѣніямъ объ одномъ и томъ же предметѣ составляетъ необходимое содержаніе исторіи человѣческаго общества и его мысли. Такой итогъ даетъ возможность выяснитъ существующія понятія, ихъ недостатки, ихъ связь съ жизнію,—однимъ словомъ открыть отношеніе совершившагося къ совершающемуся и отсюда указать, хотя смутно, на ближайшую цѣль предстоящей дѣятельности.

Такимъ образомъ важность подобнаго обзора объясняется тѣмъ, что всякая теорія сама является итогомъ предшествовавшихъ ей обстоятельствъ и связана съ сопровождающими ее событіями. Мысль не существуетъ отдѣльно, въ отвлеченной отъ

*) Muhl, Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften, I B. 281—286, также и другими.

всего внѣшняго области, а связана съ известнымъ порядкомъ жизни. Конечно, не всякая мысль становится въ одинаковое отношеніе къ этому порядку: одна представляется какъ бы его продолженіемъ, другая, вызванная имъ, становится какъ бы его отрицаніемъ. Такое отношеніе мысли связано съ отношеніемъ самихъ людей къ жизни. Человѣкъ вступаетъ въ порядокъ жизни, установившійся до него, подвергается влиянію привычекъ и обычаевъ, укоренившихся до него, и связанныхъ съ ними понятій и мнѣній той среды, гдѣ приходится ему жить. Одни совершенно подчиняются этимъ влияніямъ, другіе, въ комъ рано пробудившаяся самостоятельность развиваетъ силы на борьбу, относятся къ нимъ самостоятельно. Чѣмъ древнѣе человѣчество, тѣмъ менѣе людей послѣдняго рода, и тѣмъ чаще представляются они въ видѣ какихъ-либо героев, Прометеевъ и т. п.; чѣмъ болѣе привыкаютъ люди къ анализу, обособленію понятій, тѣмъ чаще повторяется такая борьба. Но, великъ или малъ кругъ такихъ людей— все равно, какъ бы отрицательно имъ становились они ко всему существующему, они не могутъ сказать, что освободились отъ влияния всего невыработаннаго ими самими, что порвали всякую связь съ окружающимъ ихъ порядкомъ. Если бы даже и залались иные такимъ желаніемъ—выработать все изъ самихъ себя, то, не говоря уже о невозможности подобной попытки, они должны бы были исходить отъ многихъ данныхъ, можетъ быть неуловимыхъ для нихъ самихъ, которые составляютъ слѣдствіе всей предшествовавшей жизни.

Итакъ, какова бы ни была общественная теорія, она находится въ прямой связи съ жизнью народа.

И ученіе о раздѣленіи властей не было дѣломъ минуты, не было вызвано только мгновенными политическими обстоятельствами: связанное съ современными ему событіями, оно являлось и результатомъ прошедшихъ.

Кромѣ того, было бы большою несправедливостью относительно другихъ мыслителей и возвышеніемъ не въ мѣру заслугъ Монтескье утверждать, что въ его ученіи было все ново: намъ известно, что писатели и древніе, и средневѣковые, и новаго времени, до Монтескье, высказывали мысль о раздѣленіи властей не вскользь только, а и съ нѣкоторой подробностью. Но никогда и никѣмъ до него раздѣленіе властей, какъ уже сказано, не было

представлено какъ начало, столь необходимое для сохранения и развитія свободы; никогда и никѣмъ, до такой наглядности, не былъ связанъ вопросъ о свободѣ съ взаимнымъ отношеніемъ властей, какъ это сдѣлалъ Монтескье. И не только въ этомъ ученіи, а и въ другихъ частяхъ сочиненія проходила таже мысль о предѣлахъ власти: климатическія и другія физическія условія государства, принципы, присущіе той или другой его формѣ и опредѣляющіе его дѣятельность, и т. п.—все это обнаруживало, что государство живетъ не произволомъ одного лица, а что есть множество условій, опредѣляющихъ его жизнь, измѣнить которыя не въ волѣ одного правителя.

Такая постановка вопроса, безъ сомнѣнія, представляла не одну реакцію противъ господствовавшей, во время Монтескье, системы управленія: за ней скрывалась историческая борьба, черезъ которую прошло человѣчество. Ученіе о раздѣленіи властей, въ томъ видѣ, какъ оно представлено въ *Esprit des lois*,—какъ охраненіе общей свободы и вмѣстѣ съ тѣмъ нравъ отдѣльныхъ лицъ,—и было возможно только тогда, когда права отдѣльныхъ лицъ не поглощались цѣлымъ или же, наоборотъ, когда они своей безграничной силой не подавляли свободнаго развитія цѣлаго.—Далѣе, для такой постановки этого ученія нужно было, чтобы власть опредѣлилась въ возможной полнотѣ своего объема, чтобы выяснилось, слѣдовательно, и взаимное отношеніе общественныхъ элементовъ. А ни древнее, ни средневѣковое государство не удовлетворяли этимъ условіямъ.

Древній міръ, приходилъ ли онъ къ восточному деспотизму, создавалъ ли республику, развивалъ только одну сторону государственной жизни—власть. Мало того: не одна государственная жизнь приводилась къ этому началу, къ нему же приводилась и частная. Притомъ характеръ власти въ той и другой сферѣ не различался съ должной строгостью. Это замѣчалось не только на практикѣ, а и въ теоріи. Такъ Цицеронъ считалъ царскую власть сходною съ отеческой, потому что она заботится о подданныхъ, какъ о дѣтяхъ, съ любовью, не приводя ихъ въ рабство (почему онъ и отдавалъ монархіи преимущество передъ аристократической и демократической формами) *). И

*) De republica, l. I. с. 64—86 и др.

если лучшей писатель римской республики придавал государственной власти такой характер, при котором невозможно точное ее определение, то еще естественнее было видеть подобное сличение понятий в массе.

Такой взгляд был не делом одной узкой теории, а отражением общих понятий. Общественная власть сложилась и развивалась под влиянием патриархальных начал и отъпритъся их не могла освободиться долгое время. И гораздо позднее любимая народом форма, в которой она представляется свои отношения къ управляющей власти, — семейная; не пренебрегают такую форму и представители власти, потому что она доставляет имъ не малы выгоды, по своей всепродѣленности.

Определенность власти задерживалась не однимъ естественнымъ ходомъ развитія человеческихъ понятий, а и тѣсно связаннымъ съ нимъ развитіемъ человеческихъ обществъ и учреждений. Возникающее общество, для своего сохраненія, ищетъ опоры единственно во власти и не стѣсняетъ ея, а предоставляетъ свободу распоряженія. Чтобы, при такомъ положеніи, власть могла быть сдерживаема, необходимо существованіе правъ, дѣйствіемъ которыхъ была бы отведена, въ общемъ сознаніи, особая сфера, бдительно охраняемая отъ напора этой власти. Но подобныя права возможны при дальнѣйшемъ развитіи человечества, а не въ то время, когда сохраненіе общества связано съ такимъ всепоглощающимъ значеніемъ государства. Въслѣдствіе такого положенія частныхъ правъ и неопредѣленность правъ государственной власти придавала ей не слабость, а силу, весьма достаточную на то, чтобы подчинять ей отдѣльныя лица. Такимъ образомъ древняя правительственная власть не только вторгалась въ частную жизнь, а и преобладала въ ней. Поэтому подданные были не только слугами, но и рабами государства, отъ котораго зависѣли ихъ семейная жизнь, воспитаніе, занятія и благосостояніе. Слѣдовательно, помощь, которую отдѣльныя лица думали найти у власти, получалась ими на счетъ безграничнаго расширенія ея правъ и ихъ безсилія. По видимому, это давленіе власти должно было окончиться, какъ скоро общество выступило изъ періода первоначальнаго развитія и укрѣпилось на столько, что могло само прилагать свои силы, не прибѣгая къ посредству государственной власти; но сличеніе частныхъ интересовъ съ политическими было таково, что обращало

всѣхъ къ той же власти и въ дальнѣйшемъ историческомъ движеніи. При всепоглощающемъ значеніи власти, думали не столько объ опасности съ ея стороны, и потому не о введеніи ея въ границы, сколько о томъ, чтобы найти въ ней союзника, даже завладѣть ею и удержать ее на высшей степени силы. Такимъ образомъ желанія и интересы приводились въ древнемъ обществѣ къ одной цѣли—къ власти.

Такое всепоглощающее единство было одною изъ отличительнѣйшихъ чертъ древнихъ государствъ. Оно проводилось и въ тогдашнихъ ученіяхъ и въ законодательствѣ. Сочиненія, которыя у нынѣшнихъ писателей слывятся политическими романами *), не принадлежали тогда къ области фантазіи, а соответствовали общественному строю. Знаменитое Государство Платона было основано на этой идеѣ единства. Отсутствіе частной собственности; принадлежность ея государству и раздѣлъ ея съ цѣлью, чтобы служеніе государству не ослаблялось другими заботами и вознаграждалось бы для всѣхъ одинаково; отсутствіе семьи, чтобы заботы о ней не вредили той же единой цѣли гражданскаго общества-служенію государству; попеченіе о дѣтяхъ—государства, готовящаго изъ нихъ служителей себѣ; воспитаніе, имѣющее въ виду государственную службу; сословныя различія, сообразующіяся съ той же цѣлью; рабство, которымъ государство обезпечивало и службу, и благосостояніе гражданъ,—таково существовавшее содержаніе сочиненія. Граждане, какъ замѣчаетъ Шталь **), должны быть, по этому сочиненію, не цѣлью для самихъ себя, а только средствомъ для государства. Такое единство было цѣлью и устройства тогдашнихъ государствъ. Приведу въ примѣръ Спарту, извѣстное устройство которой такъ подходило къ ученію Платона и по историческимъ указаніямъ было подражаніемъ устройству Крита; уважу на Аѳины, устройство которыхъ хотя и не представляло такой строгой системы единства, однако шло въ согласіи съ общимъ стремленіемъ того времени ***). Если мы посмотримъ на Римъ, то увидимъ тоже самое:

*) R. v. Mohl Gesch. und Liter. der Staatswissensch. I. 171 и сл.

**) Stahl Geschichte der Rechtsphilosophie, 15.

***) Примѣромъ этому есть въ сочиненіи Фистель де Куланжа: „Гражданская община античнаго міра“, пер. Корша, кн. III, гл. 17.

хотя ему обязано своимъ развитіемъ частное право, однако и оно приняло на себя властительный характеръ, заимствовавъ его изъ политической сферы. Даже республиканскій періодъ, съ постоянной борьбой сословій и лицъ за политическую власть, представляетъ господство того же начала. Преслѣдуя вѣдшее величіе, покоряя другія государства, Римъ прикладывалъ къ нимъ различную мѣрку политическихъ правъ, къ которой приурочивалъ и частныя права. Переходъ къ императорской власти, выразившей ослзательнымъ образомъ эту идею единства, былъ не труденъ при такомъ значеніи государства.

Единство, къ которому стремились древнія государства, было не то, которое имѣютъ цѣлью современныя. Здѣсь единство государства рядомъ съ правами лицъ, общинъ; тамъ такое совмѣстничество было немислимо. Индивидуальная и мѣстная свобода подрывалась въ древнемъ государствѣ его силою; гдѣ же она заявляла свои права, тамъ государство, по понятію древнихъ, переходило въ анархическое состояніе. Такимъ представлялась Платону демократія. Ее причисляетъ онъ къ испорченнымъ формамъ, потому что въ ней всякій располагаетъ самъ собой и избираетъ родъ жизни, какой ему угодно, и, слѣдовательно, всякій ищетъ того управленія, какого хочетъ; въ ней дается равенство и равнымъ и неравнымъ, такъ что и жены имѣютъ здѣсь такую же власть, какъ и мужья; а главное, — и что хуже всего, — потому что въ ней свободны и рабы (О государствѣ кн. VIII). Такого взгляда на частную свободу не былъ чуждъ и тотъ писатель древности, который во многихъ случаяхъ удалялся отъ античнаго пониманія, — Аристотель. И у него, какъ у Платона, человѣкъ есть только орудіе государства, безъ высшаго, независимаго отъ государства стремленія, въ которомъ онъ былъ бы абсолютная цѣль себя; и у него, по замѣчанію Штала, воля человѣка не цѣль и не причина учрежденій; и у него, въ ученіи о государственномъ устройствѣ, нѣтъ нигдѣ мысли о личномъ требованіи господства или свободы, мысли о приобрѣтенномъ правѣ государя, сословія, цѣлаго народа *). Опровергая ученіе Платона и противоположая

*) Stahl, Rechtsphilosophie, 28. Шталь видитъ приближеніе Аристотеля къ новымъ возрѣніямъ преимущественно въ упрекахъ, которые тотъ дѣлаетъ Платону за то, что онъ жертвуетъ счастіемъ и совершенствомъ человѣка госу-